

УДК 82+316.728

ББК 83+71.1

DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-174-201

Ольга Деханова

Прочсть Ф.М. Достоевского глазами его современников. Один из аспектов современных комментариев

Olga Dekhanova

Reading F.M. Dostoevsky Through the Eyes of His Contemporaries. One Aspect of Modern Commentaries

Об авторе: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук (Москва).

E-mail: Dh369@yandex.ru

Аннотация: Писатель обращается к читателю на культурно-историческом языке своей эпохи. Это общение построено во многом на свойстве человеческого сознания трансформировать слова в зрительные образы. Это свойство, в свою очередь, позволяет писателю передавать читателю информацию посредством визуальных и эмоциональных образов. Основу этой образности составляют: привычный читателю предметно-бытовой мир, элементы этикета, обычаи повседневной жизни, известные или обсуждаемые события, литературные публикации и прочие реалии культурной жизни эпохи. Они составляют тщательно продуманные декорации описываемых событий и отражают авторскую оценку как сюжета, так и характера персонажей.

Каждое новое поколение читает одни и те же книги другими глазами, замечая исчезнувшие или забытые культурные реалии элементами современного им мира. Это объясняет появление всевозможных форм «современных прочтений» известных классиков XIX века. Однако, если читатель все-таки хочет прочсть произведения Достоевского глазами его современников, то сделать это без специальных комментариев почти невозможно.

Настоящая статья посвящена выявлению различий между восприятием текстов Достоевского его современниками и современным прочтением. Рассмотрен ряд примеров использования культурного языка XIX века и некоторые недостатки современных комментариев: лафит и сотерн в гастрономической культуре XIX века; история, реальность и роль образа старинной московской церкви в романе «Подросток»; комментарии по поводу персоналий, упомянутых в каллиграфических упражнениях князя Мышкина; происхождение лексемы «Обдорск» в романе «Братья Карамазовы» и очевидное для современников Достоевского указание на принадлежность монашка к старообрядческой вере.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, культура, комментарии.

Для цитирования: Деханова О.А. Прочеть Ф.М. Достоевского глазами его современников. Один из аспектов современных комментариев // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4(8). С. 174-201
DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-174-201

About the author: Olga A. Dekhanova, Doctor of Pharmaceutical Sciences (Moscow).

E-mail: Dh369@yandex.ru

Abstract: The writer addresses the reader in the cultural and historical language of his era. The communication is built largely on the property of human consciousness to transform words into visual images. This property, in turn, allows the writer to convey information to the reader through visual and emotional images. The basis of this imagery is: the object-everyday world familiar to the reader, elements of etiquette, the customs of everyday life, known or discussed events, literary publications and other realities of the cultural life of the era. They constitute carefully thought-out scenery of the events described and reflect the author's assessment of both plot and characters.

Each new generation reads the same books with different eyes, replacing disappeared or forgotten cultural realities with elements of the modern world. This fact explains the appearance of all kinds of «modern readings» of 19th century classics. However, if the reader still wants to read Dostoevsky's works through the eyes of his contemporaries, he hardly can do it without special comments.

This article is devoted to the identification of the differences between the perception of Dostoevsky's texts by his contemporaries and modern readings. Examples of the use of the cultural language of the 19th century and some problems of modern comments are here presented, such as Lafitte and Sauternes in the gastronomic culture of the XIX century; history, reality and the role of the image of the old Moscow church in the novel *The Adolescent*; comments on the personalities mentioned in the calligraphic exercises in the novel *The Idiot*; the origin of the lexeme «Obdorsk» in the novel *The Brothers Karamazov* and the obvious indication for Dostoevsky's contemporaries that the monk belongs to the Old Believers.

Key words: F.M. Dostoevsky, culture, commentary.

For citation: Dekhanova O.A. Reading F.M. Dostoevsky through the Eyes of His Contemporaries. One Aspect of Modern Commentaries. *Dostoevsky and World Culture*. Philological journal, 2019, No 4(8), pp. 174-201
DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-174-201

Среди изобилия всевозможных форм современных комментариев к произведениям Ф.М. Достоевского есть один аспект, почти не затронутый вниманием современных исследователей – особенности диалога автора с современными ему читателями. Что понимали, чувствовали, видели в текстах Ф.М. Достоевского читатели XIX века.

Почему это интересно? Прежде всего, потому что диалог писателя с читателем всегда происходит на стыке личного и общекультурного. И если рассматривать личное как основное содержание, то общекультурное – это форма изложения. То есть, основа коммуникативной системы есть совокупность бытовых реалий, устоявшихся знаний, «литературных штампов», обсуждаемых событий, культурных традиций, общепринятых норм поведения и прочих деталей, связанных с определенной исторической эпохой.

Функции бытовых реалий («Всякий художник говорит на вещном “языке” своей эпохи») подробно исследовал А.П. Чудаков [Чудаков, 1992, с. 47]. Он, в частности, отмечал, что передача информации посредством создания у читателей четких визуально-эмоциональных ощущений и образов составляет одну из личностных особенностей творческого стиля Достоевского. А для того чтобы определенная вещь исполняла не только характерологические функции, но и выражала авторское отношение, «пространство вокруг слова, обозначающего предмет, заполнено не уточняющими “живописательными” словами того же предметного характера, но лексикой эмоционально-оценочной», – отмечал А.П. Чудаков, приводя в качестве примера описание интерьера в «Подростке»: «Направо находилась комната Версилова, тесная и узкая, в одно окно; в ней стоял *жалкий* письменный стол, на котором валялось несколько неупотребляемых книг и забытых бумаг, а перед столом *не менее жалкое* мягкое кресло, со сломанной и поднявшейся вверх углом пружиной, *от которой часто стонал Версилов и бранился...* В гостиную входили из коридора, который оканчивался входом в кухню, где жила кухарка Лукерья, и когда стряпала, то чадила пригорелым маслом на всю квартиру *немилосердно...*» [Чудаков, 1992, с. 95].

Рассмотренные А.П. Чудаковым функции вещного мира в художественной прозе можно в полной мере отнести и ко всем перечисленным выше культурно-историческим реалиям.

Точное использование Достоевским какой-либо художественной детали для характеристики персонажа или ситуации способно вызы-

вать у читателя такой же точный визуальный образ, с тем же эмоциональным наполнением. Не оформленное еще словесно понимание.

Главное условие, при котором читатель видит и ощущает именно то, что хотел сказать автор – это одинаково понимаемые автором и читателем культурные свойства (характеристики) объекта, будь то, например, предмет интерьера или одежды, известный литературный персонаж или историческая персоналия, обсуждаемое в газетах событие, топографическая деталь и множество прочих деталей, позволяющих Достоевскому «до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение» [Достоевский, 1972-1990, т. 18, с. 80].

В восприятии наших современников тексты Достоевского изобилуют вышедшими из обихода предметами, малоизвестными или забытыми историческими событиями и персоналиями, приметам культурных традиций XIX века.

Конечно, можно прочестъ роман, не отвлекаясь на непонятные детали. Мысль, выраженная в слове, тоже имеет свою неоспоримую ценность. Цветущие маки на картине Клода Моне восхищают своей цветовой гаммой и безукоризненной композицией. Но вы не ощутите запахи, не услышите звуки живой природы, если никогда ранее не оказывались в подобном месте, если визуальный образ не вызывает у вас эмоционально пережитое ощущение. Всё то же самое происходит и с литературным текстом. «Говорящая» деталь Достоевского делает плоскую картинку объемной.

Если вы все-таки хотите не только понять, но пережить, если вы не готовы отказать себе в удовольствии в полной мере насладиться живым языком автора, то освоение культурного языка эпохи становится решительно необходимым.

Можно поискать необходимую информацию в интернете. Это результативный, но не самый простой путь. Логичнее обратиться к существующим комментариям. Но и здесь есть проблемы. Отдельные, включенные в различные сборники статьи не всегда доступны любопытному читателю, а комментарии в 30-ти томном академическом издании сочинений Ф.М. Достоевского далеко не всегда учитывают культурный контекст.

Так, например, в романе «Униженные и оскорбленные» на одном из богато накрытых Александрой Семеновной столах «красовались три бутылки: сотерн, лафит и коньяк, – бутылки елисейские

и предорогие» [Достоевский, 1972-1990, т. 3, с. 330]. Комментарии весьма немногословны в отношении диковинного в советское время заграничного алкоголя: «Лафит – красное французское вино, производится вблизи г. Бордо; сотерн – белое французское сухое вино, производится там же» [Достоевский, 1972-1990, т. 3, с. 537]. Общая и абсолютно ничего не проясняющая информация. Если мы обратимся, например, к пьесам Островского, то увидим, что в то время практически все сословия, от мелкого чиновника до купца-миллионщика, знают о винах больше, чем большинство наших современников. Достоевский, светский человек, гурман, прекрасно понимал статус этих дорогих, утонченных, аристократических вин и неоднократно использовал их как элемент гастрономического антуража¹. Особенности производства сотерна, совершенно уникального явления в линейке белых вин, объясняют не только его вкусовые качества, но и стоимость. Это «вино не для всех» никогда не было массовым. Иерархическая вершина сотерна – великое вино Франции, знаменитое Шато д'Икем. Оно не только украшает претенциозное застолье в доме Маслобоева, но совершенно точно соответствует театральной декоративности в античных традициях русского «эпикурейства» последнего ужина мальчика-самоубийцы в романе «Бесы».

Не менее интересно и упоминание Достоевским лафита, роскошного красного вина из округа Медок в регионе Бордо. Любимое вино Людовика XV благодаря коммерческому проекту семьи Ротшильдов стало самым популярным вином в России во второй половине XIX века. Это дорогое вино (6-8 рублей за бутылку), полагалось пить из специальных небольших граненых рюмок – лафитников. В романе «Униженные и оскорбленные» лафит (дорогой, от Елисева) – общепонятный знак вычурного гастрономического изобилия в доме Маслобоева. А скромный ужин повествователя в ресторане с князем скрашен, в качестве гастрономического эквивалента гордой бедности, рюмкой лафита и половиной рябчика. И совершенно уже замечательно характерологическое упоминание лафита в «Записках из подполья»: «Я пил с горя лафит и херес стаканами. <...> Мне вдруг захотелось оскорбить их всех самым дерзким образом и потом уйти» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 145]. «Лафит стаканами» передавал читателям эмоциональное состояние героя лучше,

¹ Подробнее об этом см. [Деханова, 2009, с. 164].

чем все последующие словесные пояснения [см.: Деханова, 2009, с. 164-165; Деханова, 2013, с. 331-332].

Говоря об утраченных культурно-исторических реалиях, не могу не упомянуть об одной интересной версии, объясняющей отпечаток египетской царицы в образе Настасьи Филипповны. Она (версия) вполне согласуется с общепризнанной ролью «Египетских ночей» Пушкина в создании Достоевским образа своей героини и, возможно, была причиной его обращения к известному произведению.

Теперь мало кто знает, что в начале 30-х годов XIX века на самых престижных торговых улицах Москвы, Петербурга и Парижа появились торговые заведения Джузеппе Дациаро. Он специализировался на продаже различных открыток и картин, видовых и портретных, напечатанных в лучших типографиях. В 40-х годах в лавках Дациаро всеобщее внимание приковывал к себе портрет Клеопатры. Об этом портрете в письме к другу известный московский журналист, бытописатель, сотрудник журнала «Москвитянин» Иван Тимофеевич Кокорев писал в июле 1843 года: «Ты не можешь представить себе, что это за картина! Я по целым часам любовался ею у Дациаро. Это – неземная красота, о которой нам, смертным, не позволено мечтать. Глядя на нее, я верил стихам Пушкина (в “Египетских ночах”), когда Клеопатра вызывает всех ценою жизни купить ее любовь» [Кокорев, 1959, с. 243-244]. Вероятно, Достоевский тоже видел этот портрет у Дациаро в Москве или Петербурге. И это стало важной характерологической деталью повествования. Это объясняет, почему знакомство читателей с Настасьей Филипповной начинается с упоминания портрета и заканчивается портретным описанием (бледное лицо, черные глаза, сверкающие как раскаленные угли). Ее царственное появление с высоко поднятой головой на крыльце дома обращает всеобщее негодование толпы в восторг: «Княгиня! За такую княгиню я бы душу продал! – закричал какой-то канцелярист. “Ценою жизни ночь мою!..”» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 492].

И если, судя по письму И.Т. Кокорева, портрет Клеопатры так будоражил впечатлительных москвичей и, вероятно, не оставил равнодушными жителей Петербурга, то можно предположить, что постоянное упоминание портрета в связи с Настасьей Филипповной, подкрепленное авторским указанием на известное произведение А.С. Пушкина, вызывало у большинства читателей Достоевского отчетливый визуально-эмоциональный образ.

Полагаю, приведенные примеры показывают, насколько важен и интересен взгляд на тексты Достоевского глазами его современников, как «работали» те или иные бытовые реалии при создании образов – медиаторов авторской мысли.

Этот аспект комментариев имеет свои трудности. И не только информационного порядка. Самое сложное – избежать субъективного фактора, свойственного современному исследователю, опирающемуся на колоссальный массив проведенных исследований творческого наследия писателя. Основной методологический принцип обсуждаемого нами направления состоит в жестком соблюдении двух основных критериев, отвечающих на вопросы: насколько это было общеизвестно и понимаемо, и как это связано с развитием и смыслом сюжета.

Кроме того, следует иметь в виду, что к художественным текстам Ф.М. Достоевского нельзя подходить как к документально-историческому источнику. Он избегал деталей, требующих у читателей специальных знаний, но при этом, как отмечал Г.А. Федоров, «при всей безудержности фантазии писателя, он всегда опирается на реальный бытовой материал» [Федоров, 2004, с. 256]. Хотя подробные топографические указания, события, персоналии могут в итоге оказаться той самой «фантастической реальностью», литературно-творческим законом, о котором Достоевский писал Юлии Федоровне Абаза [см.: Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 192].

Так, исследуя московский мир Достоевского, Г.А. Федоров отмечал замечательное совмещение им московской и петербургской топографий с вкраплениями сюжетов из детских воспоминаний [Федоров, 2004, с. 254-260]. Это касается, прежде всего, истории «дома со ступенями», дома Куманиных на Ордынке, ставшим в «петербургском» романе «Идиот» домом Рогожина.

Личные воспоминания, опирающиеся на реальный бытовой материал, обретали силу художественного образа. Читателям было неведомо, что, например, на Ваганьковском кладбище в Москве «существовала могила некоей Настасьи Филипповны Рогожиной» [Федоров, 2004, с. 257]. Только москвичам было понятно, что «институты», до которых шел по жаре Аркадий (в романе «Подросток») за двумя дамами «с хвостами», так его раздражавшими, были Александровский и Екатерининский институты возле Мариинской больницы. Все это было лишь художественным оформлением повествования.

«Топография романов совпадает с действительностью иногда до мельчайших подробностей», – отмечал Г.А. Федоров. И эти провокационные подробности заставляют искать прототипы.

Вот, например, после безобразного происшествия в игорном доме униженный и озлобленный Аркадий в сумеречном забытии вдруг услышал, «что звонят у Николы, в красной церкви напротив Тушара, – в старинной московской церкви, которую я так помню, выстроенной еще при Алексее Михайловиче, узорчатой, многоглавой и «в столпах» [Достоевский, 1972-1990, т. 13, с. 270]. Относительно этого места сказано также, что «Тушар жил в захолустье, и из окон видна была застава» [Достоевский, 1972-1990, т. 13, с. 99].

Г.А. Федоров приводит реальный адрес пансиона: он действительно располагался в захолустье, до 1833 года – на Селезневке возле церкви Пимена Нового, а с 1833 года – на Новослободской, «близ Тюремного замка» [Федоров, 2004, с. 91]. «В конце той же Новослободской улицы на расстоянии версты от дома Драшусова стояла Дмитровская (Миусская) застава. Ее обелиски и кордегардии были видны из боковых окон бельэтажа и с балкона мезонина» [Федоров, 2004, с. 94].

Подробности описания церкви провокационны – указаны и название, и ее внешний вид, и местоположение, и приблизительное время строительства.

Комментарии к академическому изданию поясняют: «В описании этой церкви, вероятно, отразились впечатления московского детства Достоевского. Церковь XVII в. (церковь Пимена Нового) находилась рядом с пансионом Н.И. Драшусова (Сушарда), где в 1833 г. мальчик Достоевский был приходящим учеником <...> Однако описание больше соответствует церкви Николы в Столпах, находившейся в Армянском переулке, недалеко от дома родственников Достоевского, Куманиных (см.: Г. Федоров. Драшусовы и “пансионшко Тушара”. ЛГ, 1974, 17 июля, № 29)» [Достоевский, 1972-1990, т. 17, с. 382-383].

Позволю себе не согласиться с приведенным комментарием, целиком опирающимся на исследования Г.А. Федорова. При всем моем безграничном уважении к его чрезвычайной скрупулезности в отношении архивных данных, он всегда оставался живым, увлекающимся исследователем. Уважая его личное мнение, предлагаю свой взгляд на возможный прототип «старинной московской церкви».

Упомянутая церковь Пимена Нового ничем, кроме местоположения (возле пансиона), не подходит к приведенному в тексте описанию.

Церковь Николаы в Столпах имеет серьезное преимущество – она многоглавая, достаточно узорчатая и располагалась неподалеку от дома Куманина близ Покровки. При этом термин «столпы» рассматривался Г.А. Федоровым как скрытое топографическое указание на название урочища Столпы близ Покровки. Эта величественная богатая церковь, соотношенная с «жалким “пансионешком” француза», должна была подчеркивать социальное неравенство безродного ребенка [Федоров, 2004, с. 95-96].

Однако указанная Г.А. Федоровым церковь Николаы в Столпах на Покровке, пятиглавая, с высокой узорчатой шатровой колокольной, имеет своего архитектурного двойника – церковь Николаы в Пыжах (1647-1657) на Большой Ордынке, и тоже возле дома Куманиных. Кроме того, термин «столпы», именно в закавыченном, как у Достоевского, виде, не мог быть для читателей четкой указующей деталью, так как в то время был обычен для историко-архитектурных описаний. «Столпы» в значении «башни» составляли неотъемлемую часть шатровой архитектуры XVI – первой половины XVII веков. Классический образец старинной, красной, многоглавой, узорчатой церкви «в столпах» – это храм Покрова на Рву (храм Василия Блаженного, 1555-1560 гг.). В 1653 году патриарх Никон запретил строительство шатровых церквей как несоответствующих «церковному чину». Взамен их был рекомендован «освященный пятиглавый чин». Правда, сразу после запрета по его личному указу был выстроен Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря, многоглавый, «в столпах», шатровый, необычайно узорчатый. Таким образом, почти все время царствования Алексея Михайловича пятиглавые церкви господствовали повсюду как единственно возможный тип [Горностаев, 1917, с. 66-84].

Замечательными образцами церковной архитектуры этого периода считаются и красная узорчатая церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Филях (1693-96), где проводил лето Достоевский, и старинная красная церковь Казанской Божьей Матери в Суцее, освященная во имя Николая Чудотворца во времена Алексея Михайловича (1625), неподалеку от Мариинской больницы, и красная узорчатая тринадцатиглавая Успенская церковь на Покровке (1696-1699), о которой писала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна: «Федор Михайлович чрезвычайно ценил архитектуру этой церкви и, бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть» [Достоевская, 1981, с. 138].

Таким образом, церквей, подходящих в общих чертах под данное в тексте описание и каким-то образом связанных с Достоевским, много. Каждая из них могла бы стать предметом для исследования. Но, повторяю, не надо путать художественное с документальным.

Полагаю, что эта церковь – «фантастическая реальность», общепонимаемый визуальный образ небольшой старинной церкви, а добавление к изображению звука оживляет его до совершенства. Именно небольшой, так как речь идет о глубоко личных переживаниях подростка, связанных с матерью, а не о проблемах социального неравенства.

Видение подростка начинается со звука: «Колокол ударял твердо и определенно по одному разу в две или даже в три секунды, но это был не набат, а какой-то приятный, плавный звон» [Достоевский, 1972-1990, т. 13, с. 270]. Это тот редкий случай, когда Достоевский использует подробное и узнаваемое описание звука для создания определенного эмоционального образа. Не он, а сам читатель произносит слово «благовест». «Предвечернее солнце льет косые свои лучи», «приятный, плавный звон» – всё это погружает в печально-задумчивую атмосферу. Читая это описание, я неожиданно вспомнила романс «Вечерний звон». Текст песни, написанный Иваном Козловым по мотивам известного стихотворения Томаса Мура, был опубликован в альманахе «Северные цветы» на 1828 год. Вскоре он был положен на музыку А. Алябьевым и в начале 30-х годов стал чрезвычайно популярным в салонах Москвы и Петербурга. Возможно даже, что Достоевский слышал его в детстве на домашних музыкальных вечерах и использовал в романе этот звуковой ряд, создающий определенное настроение. Это всего лишь предположение, но как созвучен текст романса эмоциональному состоянию подростка! Звук колокола, трижды возникающий в его воспоминаниях, напоминает ему о первом жизненном опыте осознанного раскаяния в своих поступках. Самое мучительное детское воспоминание, стыд перед матерью, становится ключом к осознанию постыдности своих поступков. Исключительно точная иллюстрация нравственного взросления подростка.

Примером реальности фантастического может служить и известная сцена каллиграфического опыта князя Мышкина в доме Епанчиных. Наиболее обсуждаемая историческая персоналия этого эпизода – игумен Пафнутий.

В комментариях к роману со ссылкой на справочник Павла Михайловича Строева [Строев, 1877, с. 868-869] лаконично и без каких-либо пояснений утверждается, что «речь идет об основателе Авраамиевой чухломской верхней пустыни на реке Виге» [Достоевский, 1972-1990, т. 9, с. 431]. Эта ссылка, собственно, и провоцирует исследователей на поиски того самого, настоящего Пафнутия, чье имя одиннадцать раз повторяется в тексте эпизода.

Кстати, в финале романа «старенькая благообразная, вся сторбленная и в черном, повязанная платочком, служанка», живущая при матери Рогожина, вдруг обретает имя, многократно повторяемое – Пафнутьевна [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 504-505]. Но это не вызывает у исследователей такого жгучего интереса, как пресловутый игумен.

Г.А. Федоров, например, утверждал, что речь идет об основателе Боровского монастыря святом Пафнутии Боровском, особо почитаемом в семье деда Ф.М. Достоевского, Ф.Т. Нечаева [Федоров, 2004, с. 85-86]. А Г.Н. Крапивин в свою очередь указывает на некоторые персоналии Смутного времени [Крапивин, 2014, с. 145-151].

Однако до сих пор ни одному из исследователей не удалось сложить все упомянутые в тексте биографические подробности игумена в единое целое, обнаружить некую общеизвестную персоналию и ответить на вопрос, как этот Пафнутий связан со смыслом эпизода. Вполне вероятно, что упомянутый игумен – это фантастический персонаж, до того соприкасающийся с реальным, что мы верим в возможность его существования.

Многократность повтора имени игумена объясняется просто. Это совершенно замечательный элемент психологического портрета Лизаветы Прокофьевны.

«Вы совершенный ребенок во всем, <...> несмотря на то что вы в таких летах» – определяет суть ее характера князь Мышкин и она тут же полностью с ним соглашается: «всё совершенная правда: я ребенок и знаю это» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 65]. «Я давеча, пред вашим приходом, рассердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бывает; точно ребенок» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 49].

И неудивительно было рассердиться, когда генерал, стремясь избежать нежелательных вопросов по поводу своего стремительного бегства, сознательно использует князя, сообщая генеральше «прямо и без приготовления», «что этот последний в роде князь Мышкин,

о котором она уже что-то слышала, не больше как жалкий идиот и почти что нищий» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 44].

Цель достигнута, и Лизавета Прокофьевна начинает «представляться», отвечая на каждую реплику недоуменным вопросом, повторяя его слова. В том числе и имя игумена.

Генерал:

– Я <...> хотел попросить проэкзаменоваться его, все-таки хорошо бы узнать, к чему он способен.

– Про-эк-за-ме-но-вать? – протянула генеральша и в глубочайшем изумлении.

– Я имел в виду обласкать его и ввести к нам.

– Ввести к нам? <...>

– И вдобавок дитя совершенное, с ним можно еще в жмурки играть.

– В жмурки играть? Каким образом?

– Ах, таааа, перестаньте представляться, пожалуйста, – с досадой перебила Аглая [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 45].

Почти убегая, генерал сообщает о каллиграфической пробе: «Игумен Пафнутий руку приложил».

– Пафнутий? Игумен? <...> куда вы и какой там Пафнутий? <...> [Обращаясь к князю] – ну, что там! Ах да: ну, какой там игумен?

– Игумен Пафнутий, – отвечал князь внимательно и серьезно.

– Пафнутий? Это интересно; ну, что же он? [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 46]

После подробного рассказа князя она обращается к Аглае: «запомни: Пафнутий, или лучше запиши, а то я всегда забываю». И с чисто детской непосредственностью: «Впрочем, я думала, будет интереснее» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 46].

Ровно то же самое происходит на даче в Павловске, когда раздосадованная Лизавета Прокофьевна «представляется», что ничего не может понять о «рыцаре бедном».

Это то, что касается многократности упоминания имени игумена.

Остается вопрос – почему именно Пафнутий. Случайный выбор имени из каких-то неведомых нам личных воспоминаний? Ни Г.А. Федоров, ни Г.Н. Крапивин не обнаружили каких-либо общеизвест-

ных исторических персоналий, имеющих непосредственное отношение к развитию сюжета. Поэтому позволю себе всего лишь дополнить имеющиеся версии еще одним Пафнутием.

Возможно, упоминание этого имени связано с детскими впечатлениями о посещениях Троице-Сергиевой лавры. Там, на южной стороне, у подножия холма располагается Пафнутьев сад [Любецкий, 1877, с. 107].

По преданию, сад был вскопан и засеян самим преподобным Сергием, так как неподалеку, несколько выше по склону, стояла его келья. Преподобный как простой трудник возделывал монастырскую землю «огородного ради зелия».

Сад Троице-Сергиева монастыря был издавна одним из лучших монастырских садов России. Его изображение встречается на иконах, картинах, фотографиях прошлых веков. Название «Пафнутьев сад» впервые упоминается в конце XVIII века. По одной из версий сад назван митрополитом Московским и священно-архимандритом Лавры Платоном (Левшиным) по имени терпеливого и трудолюбивого садовника монаха Пафнутия.

С именем игумена связано обсуждение русской палеографии, отсылающее читателей к «погодинскому изданию». Комментарии академического издания указывают на изданный М.П. Погодиным в 1840-41 годах альбом «Образцы славяно-русского древлеписания», тетради 1 и 2. Категорическое утверждение, что «Достоевскому запомнился 18-й образец из второй тетради (единственный в альбоме пример подписанного документа)» [Достоевский, 1972-1990, т. 9, с. 431], на наш взгляд не обосновано. Кто видел этот корявый автограф святителя Митрофания на указанном 18-ом образце, искренне удивится фразе князя: «Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты, и с каким иногда вкусом, с каким старанием! Неужели у вас нет хоть погодинского издания, генерал?» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 29]. Обратите внимание, князь ссылается не на конкретное, а «хоть», «хотя бы» погодинское издание как некий общеизвестный сборник древних шрифтов.

По этому поводу у Г.А. Федорова есть очень интересное замечание: «Перед отъездом в Петербург в мае 1837 года <...> Ф. Достоевский мог видеть цензурированный И.М. Снегиревым, с которым он был знаком через деда Котельницкого, только что вышедший “Русский исторический альбом на 1837 год”». В альбоме М.П. Погодиным были собраны каллиграфические образцы, начиная от подписи дьяка

XIV в. и кончая автографами знакомых М.Ф. и В.М. Котельницких – митрополита Платона, М.М. Хераскова, П.И. Страхова, Н.М. Карамзина...» [Федоров, 2004, с. 85-86].

Кроме «Русского исторического альбома на 1837 год» М.П. Погодин издал еще и «Русский исторический альбом на 1853 год».

Таким образом, упоминание в тексте «погодинского издания» – это всего лишь ссылка на серию общеизвестных читателям альбомов с образцами каллиграфических автографов, не имеющая никакого отношения к идентификации личности Пафнутия.

За личным интересом Достоевского к древним шрифтам стоят, вероятно, его детские воспоминания о своем наставнике, двоюродном деде, Василии Михайловиче Котельницком. Профессор Московского Университета В.М. Котельницкий был членом Общества истории и древностей российских, имел прекрасную библиотеку старопечатных и рукописных книг и был дружен с известным историком И.М. Снегиревым, цензором «погодинского издания».

Еще одна фраза из каллиграфической пробы князя Мышкина – это «Усердие все преодолагает». Комментарии академического издания относят ее к тексту памятной медали в честь графа П.А. Клейнмихеля, а кроме того указывают, что «в контексте данного эпизода изречение это служит прежде всего характеристикой генерала Епанчина и иллюстрирует проницательность Мышкина (отметим кстати, что Клейнмихель был в чине генерал-адъютанта). Вероятно, Достоевскому напоминало об этой фразе постоянное чтение за границей Герцена, который обращался к ней часто, как и к фигуре Клейнмихеля» [Достоевский, 1972-1990, т. 9, с. 431].

Петр Андреевич Клейнмихель – государственный деятель немецкого происхождения, пользовавшийся особым расположением Аракчеева и императора Николая I, имевший репутацию льстеца и казнокрада, получивший прозвище «Клейнмихель-Дворецкий» за восстановление Зимнего дворца после пожара, жестко обличенный в стихотворении Некрасова «Железная дорога» за строительство дороги буквально на костях рабочих и не отмеченный никакими особыми талантами. Его автограф – сочетание угловатых линий с широкими крылатыми росчерками. О нем ли с таким восхищением говорил князь Мышкин: «Это шрифт русский, писарский или, если хотите, военно-писарский. <...> круглый шрифт, славный, <...> с замечательным вкусом. Каллиграф не допустил бы этих росчерков, или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных

полухвостиков, – замечаете, – а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть!» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 29]?

За этим круглым, славным, с замечательным вкусом, шрифтом явно кроется иная, хорошо известная читателям, персоналия. Это единственный из пяти каллиграфических образцов, в котором князя восхищает не шрифт как таковой, а характер автора росчерка. Сам афоризм «Усердие всё преодолагает!..» с известным продолжением «Бывает, что усердие преодолагает и рассудок» указывают на общеизвестную литературную маску – Козьму Прутков. Парадоксальность этой личности всегда была объектом пристального внимания Ф.М. Достоевского.

Получив кое-как домашнее образование, Козьма Прутков начал служить по военному ведомству, но большую часть жизни провел на государственной службе. Его перу принадлежат как всевозможные «правительственные проекты», так и произведения самой изящной словесности. Вот оно, замечательное сочетание военно-писарской души, не обремененной излишним образованием, с литературными талантами. Графологический портрет известной литературной маски.

Термин «графология» возник только в 70-х годах XIX века. Но еще в середине 70-х XVIII века И.В. Гете обсуждал с И.К. Лафатером, известным исследователем физиогномики, взаимосвязь почерка и характера человека².

А в рукописных черновиках Достоевского помимо геометрических и архитектурных фрагментов, фантастических объектов и лиц встречаются отдельные слова, старательно выведенных разными шрифтами. Как размышления о характере персонажа.

Позволю себе привести еще один пример взаимодействия личного и общекультурного в диалоге писателя с читателем.

---

² С Иоганном Каспаром Лафатером Гете находился в оживленной переписке уже с августа 1773 года. Он помогал ему в работе над его известнейшим трактатом «Физиогномические фрагменты». Последователи Лафатера успешно сочетали физиогномику с френологией. Создателем френологии был австрийский доктор медицины Фрац Йозеф Гааль. Поскольку в то время медицина не располагала достаточными знаниями в области исследования мозга, френология опиралась в основном на данные физиогномики. Об интересе Достоевского к «в то время бывшей в ходу системе Галла» писал в своих воспоминаниях С.Д. Яновский [Яновский, 1990, с. 239].

Речь пойдет о таинственном захожем монашке в романе «Братья Карамазовы».

Захожий монашек, «инок шныряющий и проворный, с превеликим ко всему любопытством» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 155], с «быстрыми, любопытными, хотя несколько и испуганными» глазами [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 152-153], пришел «от святого Сильвестра», из одной малой обители Обдорской на дальнем Севере» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 151].

В 30-ти томном собрании сочинений отсутствуют какие-либо комментарии относительно происхождения монашка.

Причина его появления в монастыре понятна. С превеликим любопытством он вникает во все происходящее в монастыре, чтобы сделать непростой выбор между духовным опытом старчества Зосимы и строгим обрядособлюдением отца Ферапонта.

В черновых набросках к роману Достоевский планировал ввести в качестве персонажей враждебных старцу монахов, постника и полуюродивого [Достоевский, 1972-1990, т. 15, с. 200]. В окончательной редакции их заменило одно лицо – отец Ферапонт [Достоевский, 1972-1990, т. 15, с. 607]. Этот «полуюродивый» наделен характерными, узнаваемыми чертами поведения юродивых, описанных И.Г. Прыжовым в книге «26 московских лжепророков, дур и дураков» [Достоевский, 1972-1990, т. 15, с. 531-532]. Приведенные И.Г. Прыжовым описания манеры поведения, стилистики речи реальных персоналий Достоевский использовал, например, при создании образа Семена Яковлевича в романе «Бесы». В романе «Братья Карамазовы» защемленный Лизой Хохлаковой пальчик – возможный отголосок описанного И.Г. Прыжовым одного из известных «чудес» Ивана Яковлевича Корейши: одной смоленской барыне Корейша помог исцелить палец, который врачи намеревались ампутировать, но женщина решила воспользоваться табаком от Ивана Яковлевича, и палец удалось спасти.

Одна из характерных речевых особенностей юродивых – говорить непонятно, витиевато, ставить собеседника в тупик нелепым, загадочным вопросом или ответом. Именно это и происходит в начале беседы пытливого монашка и отца Ферапонта.

На вопрос «откулева занесло?» монашек почтительно отвечает: «Из малой Обдорской обители, от святого Селивестра» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 152]. «– Бывал у твоего Селивестра. Живал. Здоров ли Селивестр-от?» Монашек замялся» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 153].

Что смутило монашка? Какую несуразность в упоминании Ферапонтом «Селивестра из Обдорской обители» могли увидеть современники Достоевского?

Начнем с историко-топографического указания в тексте. С поиска той самой «малой Обдорской обители на дальнем Севере».

Обитель, согласно словарю Владимира Даля – «община, монастырь, общежитие». То есть нам надо найти в Обдорске или его окрестностях небольшой монастырь, связанный с именем святого Селивестра.

Отдаленность и труднодоступность Обдорска (нынешнего Салехарда), расположенного в низовьях Оби в 1500 верстах на север от Тобольска – одна из причин скудности исторических сведений о нем. Более-менее достоверные факты о первых попытках обращения в православную веру местных жителей датируются XVIII веком. В 1853 году на месте старого острога была образована Обдорская православная миссия. Летом на лодках, зимой на нартах, с раскладными походными церквями, миссионеры объезжали отдаленные кочевья. Регулярные отчеты миссионеров Святейшему Синоду и постепенное освоение этого сурового края положили начало его систематическому изучению и описанию.

Этот пустынный городок был небогат на события, представляющие интерес для широкого круга читателей. Сведения о нем публиковались лишь в специальных исторических, этнографических, археологических изданиях. Исторических личностей, из отчетов которых пытливый современник Достоевского мог бы узнать об освоении этого сурового края, не так уж много.

Это, например, один из сотрудников Румянцевского кружка³, Александр Михайлович Ратшин. В 1852 году в Москве вышло его «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России». Из 7 монастырей Тобольской губернии только один был расположен на берегу Оби, приблизительно на полпути между Обдорском и Тобольском. Это Кондинский Троицкий мужской монастырь: «Тобольская губерния. Монастыри ныне существующие Кондинский, или Кодский-Троицкий – муж., 3-го класса. В 240 вер-

---

³ Румянцевский кружок был неформальным объединением историков, археографов и филологов, сложившимся вокруг графа Н.П. Румянцева в 1818-26 годах. В состав кружка входило более 200 человек. Члены кружка осуществляли поиск и копирование исторических источников для их публикации, издание трудов по истории, покупали старопечатные книги и рукописи.

стах от уездного города Берёзова, на берегу реки Оби, при впадении в неё речки Кондушки. Находится под управлением архимандрита. Основан в 1652 г. В нём соб. церковь Живоначальной Троицы с приделами Казанской Богородицы и Николая Чудотворца. К ведомству сей обители принадлежит Троицкая пуст. муж., в 27 верстах от города Ялуторовска, в которой церковь Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца» [Ратшин, 1852, с. 521-523].

Этот монастырь упоминается в путевых заметках Ипполита Иринарховича Завалишина «Описание Западной Сибири»: «Оставив за собой пустынный Обдорск и драматический Берёзов⁴, достигли мы после трудного и утомительного плавания вверх по этой громадной Оби села Кондинского. Здесь, по грамоте царя Алексея Михайловича и по ходатайству пятого архиепископа Сибирского Симеона, построен в 1657 г. Свято-Троицкий мужской монастырь для проповеди св. евангелистов остяцкому народу. Каменная церковь этой обители (самой дальней на Крайнем Севере во всей Западной Сибири) живописно высится над Обской пучиной. Этот монастырь находится в 800 верстах от Тобольска и в центре, так сказать, всех инородческих племён Тобольской губернии» [Завалишин, 1862, с. 306-307].

В то время монастырь этот имел вид весьма плачевный: возле двух полузаброшенных церквей появилась маленькая монастырская община. Жизнь монастыря поддерживал лишь перевод туда вместе со всем имуществом братии Березовского Воскресенского монастыря, ликвидированного из-за малолюдства.

Кондинский монастырь, бытовые зарисовки малолюдного Обдорска, оживающего только во время сезонных ярмарок, и многие другие исторические и этнографические сюжеты сохранились до наших дней в прекрасном альбоме «От Тобольска до Обдорска» Михаила Степановича Знаменского, 1862 года издания⁵.

---

⁴ История Березова, действительно, может считаться вполне «драматической» и в наше время. Поселение было основано в конце XVI века как Березовский острог. Тяжелый климат (летом изнурительная жара, пропитанная болотными испарениями, зимой сорокаградусные морозы) сделал Березов местом ссылки государственного значения. В XVIII веке в этом гиллом, безлюдном месте закончилась политическая карьера светлейшего князя Александра Меншикова, князя Алексея Долгорукова с семьей, графа Остермана. В XIX веке сюда ссылали декабристов, в начале XX века – революционеров. Из Березова, с этапа, бежал сосланный в Обдорск Лев Троцкий. В 30-х годах XX века сюда потянулись бесконечные вереницы репрессированных: немцев с Поволжья, раскулаченных крестьян, политических ссыльных.

⁵ Отцом М.С. Знаменского, художника, писателя, этнографа, автора мемуаров о декабристах, был Стефан Яковлевич Знаменский, Стефан Омский, духовник декабристов, отбывавших ссылку в Кургане, Ялуторовске и Тобольске, настоятель омского Воскресенско-

И, конечно, главный источник информации – это историко-этнографические статьи Николая Алексеевича Абрамова – одного из крупнейших исследователей Сибирского края.

После завершения преподавательской деятельности в Тобольском духовном училище он с 1853 года служил столоначальником в I отд. Главного управления Западной Сибири в Омске. В 1854 году он переехал в Семипалатинск в связи с назначением его на должность советника хозяйственного отделения областного управления. Помимо своих непосредственных обязанностей, он продолжал историко-этнографические исследования Сибири. С середины 1850-х годов его статьи по политической и общественной истории Сибири регулярно печатаются в «Записках Географического Общества» и в «Тобольских губернских ведомостях».

Учитывая, что эта газета была одним из очень немногих доступных Достоевскому печатных изданий, можно с уверенностью говорить, что и имя сибирского этнографа, и его статьи по истории сибирской церкви были хорошо известны Достоевскому.

В «Описаниях Березовского края», опубликованных в 1857 году в «Записках Императорского русского географического общества» Н.А. Абрамов неоднократно упоминает Обдорск, в том числе и относительно его духовного управления: «По духовному ведомству Берёзовский край зависит от Духовного правления в Березове и разделяется на два “благочиния”, одно из них, которое начинается от Березова к северу и включает 5 деревянных церквей, четыре из которых расположены по Оби, в том числе и в Обдорске. Кроме сих церквей, в селе Кондинском, при реке Оби находится мужеский миссионерский монастырь с каменною церковью, основанный в 1656 г.» [Абрамов, 1857, с. 342-343].

Деревянная церковь в Обдорске, первая, о которой есть документальные свидетельства, – это церковь во имя святого Василия Великого, выстроенная в середине XVIII столетия. В декабре 1750 года митрополит Тобольский и Сибирский преосвященный Сильвестр благословил ее освящение и разрешил «отправлять в ней божественную службу» [Строев, 1877, с. 318].

Свидетельств, что он когда-либо по какой-либо надобности посещал далекий, малонаселенный Обдорск нет.

го собора с 1853 года. Был лично знаком со многими известными людьми своего времени, в том числе и с Ф.М. Достоевским, М.А. и Н.Д. Фонвизиными.

Таким образом, ни в одном из источников по истории этого края нет указаний на существование в Обдорске ни большой, ни малой монастырской обители. И не только святой Селиверст, но даже митрополит Сильвестр никогда не ступали по этой пустынной земле.

Поскольку топографическая документалистика оказалась очередной «фантастической реальностью» Достоевского, обратимся к упомянутой персоналии. В «Житиях святых» святителя Дмитрия Ростовского имя Сильвестр упоминается всего трижды: житие святого отца нашего Сильвестра, папы Римского, память преподобного Сильвестра Печорского, жившего в XII веке и почивающего нетленно в ближней Антониевой пещере, и, наконец, память преподобного отца нашего Сильвестра Обнорского (ум. 25 апреля 1379 года).

Преподобный Сильвестр Обнорский получил иноческое пострижение от преподобного Сергия Радонежского и после прохождения послушаний в Троицкой обители, по благословению преподобного Сергия, отправился искать уединения на дальний северо-восток и остановился на берегах реки Обноры. Здесь, в дремучем лесу, вдали от жилья, он устроил себе келью. Но со временем его место было открыто, и к подвижнику стали приходить поселяне для душеспасительных бесед и духовных советов.

Трудами преподобного и собравшейся около него братии был построен деревянный храм во славу воскресения Христа Спасителя. Там, возле созданного им храма, было погребено его тело.

По смерти преподобного стали совершаться чудеса при его гробе, так что с течением времени преподобного Сильвестра стали чтить как чудотворца в ближних и отдаленных местах.

Воскресенская обитель неоднократно подвергалась разорению, но её история продолжалась вплоть до закрытия во время секуляризации церковных земель 1764 года, когда соборный храм был превращен в приходскую церковь.

Возрождение Воскресенской обители началось в 1825 году. На месте старых деревянных построек был выстроен большой каменный храм на средства купца Кадетова, получившего исцеление от мощей преподобного Сильвестра. А в 1860 году сохранившаяся с XVII века рукопись о 23 чудесах при гробе преподобного Сильвестра пополнилась новыми чудесными знаменами. По свидетельству настоятеля храма и нескольких прихожан, крышка гроба преподобного Сильвестра сама собой отворилась, так что стало видно нетленное тело святого и распространилось благоухание [Братановский, 1902, с. 20-35].

Описание этого события и других чудес, происходивших у его гроба, регулярно публиковалось в Ярославских и Вологодских епархиальных ведомостях за 1860-70 годы. Кроме того, один из известнейших в то время исследователей церковной истории и археологии Сергей Константинович Смирнов, опубликовал в журнале «Душеполезное чтение» (1861, № 11) статью «Преподобный Сильвестр, игумен Обнорский, чудотворец». В 1884 году это сочинение было издано отдельной книгой.

Но, кроме общеизвестных и обсуждаемых событий, связанных с топонимом «Обнора» есть и личный для Ф.М. Достоевского фактор. Как известно из воспоминаний А.М. Достоевского, ежегодно в начале лета семья отправлялась в Троицкую лавру [Достоевский, 1999, с. 50]. В XIX веке совершающие этот путь паломники обязательно посещали расположенный неподалеку старинный Хотьковский женский монастырь, для поклонения чудотворным мощам родителей преподобного Сергия, святым Кириллу и Марии, чтобы получить их родительское благословение «честнаго супружества и попечения о чадах доброго образа». Место, где располагался этот древний монастырь, имело название Обнорская гора.

Вероятно, эти детские воспоминания легко откликнулись на активно обсуждаемые в 60-х годах чудеса о нетленных мощах Сильвестра Обнорского.

Замена топонима «Обнорский» на «Обдорский» могла быть вполне сознательной. Название далекого, ничем не примечательного сибирского поселения ничего не говорило читателям, но его фонетическая схожесть с названием места, связанного с именем известного и обсуждаемого чудотворца, создавало вполне отчетливый образ и понимание, о ком идет речь. Утверждение отца Ферапонта, что он якобы жил у давно умершего святого, само по себе выглядело странно. Но именно это фонетическое созвучие персонифицировало упомянутого Селивестра. Абстрактная истина стала живой картинкой.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не еще одна замечательная подробность диалога отца Ферапонта и монашка.

На вопрос отца Ферапонта «Како соблюдаете пост?» монашек, переходя на совершенно иную стилистическую форму речи, начинает подробно рассказывать: «Трапезник наш по древнему скитскому тако устроен...» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 153]. Далее следует раскавыченная цитата из июльского номера журнала «Русская

старина» за 1878 год⁶. Автор этой публикации – Аполлон Федорович Можаровский. В июльском номере был помещен цитируемый Достоевским «Скитский трапезник или годовой круг скитской трапезы» [Можаровский, 1878, № 7, 464], а в предыдущем, июньском номере – «Стих о разорении раскольниковых скитов» [Можаровский, 1878, № 6, с. 342-345].

Как сказано в авторском примечании к публикациям, оба документа были случайно найдены А.Ф. Можаровским «в одной из старопечатных книг, отобранных у раскольников во время разорения нижегородских скитов в 1853 и след. годах и переданных местною консисториею в распоряжение Нижегородской семинарии в качестве пособия при преподавании миссионерских наук против раскола. К открытию в феврале 1875 г братства св. Креста в Нижнем Новгороде – со специальной целью спасительного действия на раскольников – мне поручено было составить подробную опись раскольническим книгам, хранившимся в семинарской библиотеке, для передачи оных в библиотеку братства» [Можаровский, 1878, № 6, с. 344-345].

Керженские скиты – это группа старообрядческих скитов, образовавшихся на территории Нижегородской губернии в конце XVII – начале XVIII веков. Большинство из них было расположено на реке Керженец, отсюда и возникло их обобщенное название.

События, о которых упоминает А.Ф. Можаровский, связаны с распоряжением Николая I от 10 июня 1853 года о «постепенном упразднении скитов, монастырей, кладбищенских заведений и прочих противузаконных раскольнических сборищ» [Варадинов, 1863, с. 651].

Распоряжение это было подготовлено по результатам работы, проведенной в 1840-х годах специальной негласной комиссией Министерства внутренних дел, созданной по распоряжению Николая I, с целью собрать подробнейшие сведения по всем вопросам, касающимся старообрядчества во всех губерниях Российской империи. Отчеты этой комиссии представлены в изданной в 1863 году «Истории распоряжений по расколу» Николая Васильевича Варадинова.

---

⁶ В библиотеке Ф.М. Достоевского имелись полные подшивки журнала за 1876-78 гг. «Д упоминает *РСт* в “Братях Карамазовых” как один “из сборников наших древностей”, из которых он мог почерпнуть картины мрачного времени крепостного права (*ПСС*, 14, 221); он ссылается в подготовительных материалах к *ДП* за 1876 г, на воспоминания, в частности о И.Н. Скобелеве, опубликованные в *РСт* в 1876 г. (№ 11) (см.: *ПСС*, 24, 290,499)» [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005, с. 206].

В отчетах чиновников министерства приводились статистические данные, из которых следовало, что до трети русского населения были старообрядцами и что «раскол пережил эпоху фанатизма и время политического своего направления; теперь он вступил в третью пору своего развития и образовал государство в государстве» [Варадинов, 1863, с. 646]. Представители купечества и крупных промышленников, приверженцы старой веры, держали в своих руках существенный сектор экономики России, и возвращение к жестким мерам в отношении раскольников представляло собой очевидный конфликт политических и экономических интересов.

Новый этап во взаимоотношениях государства и старообрядчества начался после утверждения в 1864 году императором Александром II «Правил» о старообрядцах, легализовавших ряд старообрядческих толков, лояльных к светской власти, и прекративших массовые гонения, происходившие при императоре Николае I. Это в свою очередь вызвало массовое появления в печати первых легальных изданий старообрядческих сочинений, серьезных исследований и трудов по истории раскола в России, обширную журнальную полемику.

После возвращения Достоевского в Петербург из Твери начинается его активная писательская и редакторская деятельность. С живейшим вниманием он следит за новыми книжными изданиями, в том числе и по теме старообрядчества. Давний интерес Достоевского к приверженцам старой веры окончательно сформировался во время его сибирской ссылки. Бескрайние просторы от Обдорска до расположенной на юго-западе от Тобольска Исетской провинции были исторически сложившимися центрами старообрядчества. И неудивительно, что эта тема постоянно возникает в статьях, письмах, художественных произведениях Достоевского.

В комментариях к 30-томному изданию (не говоря уж о более поздних многочисленных исследованиях) представлен широкий обзор упоминаний о старообрядцах самого разного толка практически во всех крупных произведениях, от «Хозяйки» до «Братьев Карамазовых». В описании личной библиотеки писателя значатся все основные, наиболее обсуждаемые в то время издания [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005, с. 261, 267-268, 282]. В этой описи, однако, отсутствуют сочинения А.П. Щапова, хотя одна из его книг отмечена в счете на имя Достоевского магазина А.Ф. Базунова [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005, с. 11]. Прекрасная, по словам Анны Григорьевны, библиотека Достоевского была частично распродана

во время их заграничного путешествия П.А. Исаевым, а ее опись отсутствует.

Учитывая особый интерес Достоевского к теме старообрядчества, уверена, что он не мог обойти вниманием упомянутый выше сборник Н.В. Варадинова «История распоряжений по расколу», содержащий уникальный фактологический материал. Некоторые события и наблюдения из этого сборника прослеживаются в произведениях Достоевского.

Так, например, в повести «Вечный муж» о Наталье Васильевне Трусоцкой говорится: «По сравнению самого Вельчанинова, она была как “хлыстовская богородица”, которая в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица, – в высшей степени веровала и Наталья Васильевна в каждый из своих поступков» [Достоевский, 1972-1990, т. 9, с. 26-27]. Имя героини – говорящее. В начале 40-х годов XIX века была известна «хлыстовка Ульяна Васильева из Костромской губернии, почитаемая тамошними хлыстами богородицей». Она «ежегодно бывала в Москве, где среди тамошних хлыстов почиталась богородицей, и даже народом названа хлыстовской богиней» [Варадинов, 1863, с. 620].

Или, например, Миколка из романа «Преступление и наказание», одержимый «душеспасительной» идеей старообрядцев – пострадать безвинно, чтобы обрести царствие небесное. «А известно ли вам, – говорит о нем Порфирий Петрович, – что он из раскольников, да и не то, чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали. <...> Знаете ли, Родион Романыч, что значит у иных из них “пострадать”? Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче» [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 347-348]. В сборнике Н.В. Варадинова приведена чрезвычайно схожая по мотиву и способу исполнения история: «Помещичий крестьянин Тамбовской губернии убил топором другого крестьянина в том веровании, что надобно иметь грех и потрудиться, чтобы наследовать царствие небесное; из грехов он избрал убийство, чтобы получить в этом мире наказание и труды, чем надеялся блаженствовать в будущей жизни, и два года искал случая к убийству» [Варадинов, 1863, с. 655].

И еще одно интересное добавление к «наполеоновской» теме романа. Н.В. Варадинов пишет, что «в Москве появилась секта Наполеоновская: последователи ее (особенная отрасль хлыстов) поклонялись бюсту Наполеона, как скопцы портрету Селиванова,

искренне веруя, что со смертью его кончился век и люди стали мучиться, а не жить. Наполеона почитали выше всех святых, приводя в доказательство, что прибытие его в Россию ознаменовано явлением звезды, которая являлась только еще раз при Рождестве Иисуса Христа» [Варадинов, 1863, с. 655]. Это сообщение Н.В. Варадинова привел Н.Н. Подосокорский в статье «Отечественная война 1812 года в творчестве Ф.М. Достоевского», исследуя наполеоновскую тему в романе «Преступление и наказание» [Подосокорский, 2012].

В романе «Братья Карамазовы», казалось бы, тема старообрядчества ограничивается единичными упоминаниями хлыстовщины [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 82, 89]. Но для современников Достоевского, после легализации в печати темы церковного раскола и появления объективных серьезных исторических исследований, изданий старообрядческих сочинений, напоминание о недавней публикации А. Можаровского было вполне достаточным, чтобы понять, «откулева занесло» в монастырь захожего инока. И в «споре о вере» романного пространства «братьев Карамазовых», представленного и православием, и католицизмом, и старчеством, и юродивыми, тема старообрядчества есть совершенно логичный и необходимый элемент.

Подводя итог всему вышесказанному, позволю себе еще раз отметить, что Достоевский строил свой диалог с читателем посредством точных визуальных и/или эмоциональных образов, используя для этого тщательно выверенные общепонимаемые или общеизвестные детали и факты, не требующие от читателя специальных знаний.

Безусловно, многое восходило к его личным воспоминаниям и личному опыту, но адресовалось читателю на общекультурном языке эпохи.

Попытке проследить общекультурные основы диалога Достоевского с современными ему читателями, от личного к общепонимаемому, было посвящено настоящее исследование.

Список литературы

1. Абрамов, 1857 – *Абрамов Н.А.* Описание Берёзовского края // Записки Императорского русского географического общества. СПб. 1857. № 12. С. 327-448.
2. Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005 – Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
3. Братановский, 1902 – *Братановский А.* Приходский Храм воскресения Христова, что на р. Обноре, Ярославской губ., Любимского уезда, где почивают мощи преподобного Сильверста Обнорского. 3-е изд., доп. Ярославль, 1902. 44 с.
4. Варадинов, 1863 – *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. 8-я, дополнительная книга: История распоряжений по расколу. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1863. 676 с.
5. Горностаев, 1917 – *Горностаев Ф.Ф.* Архитектура Москвы // По Москве. Прогулки по Москве и ея художественным и просветительным учреждениям. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1917. С. 66-84.
6. Деханова, 2009 – *Деханова О.А.* Закуска как форма и содержание // Достоевский и современность. Материалы XXIII Международных Старорусских чтений 2008 года. 2009. С. 164.
7. Деханова, 2013 – *Деханова О.А.* Роман «Подросток». Идея еды // Достоевский и мировая культура. 2013. № 30. Ч. I. С. 331-332.
8. Достоевская, 1981 – *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 518 с.
9. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Достоевский, 1999 – *Достоевский А.М.* Воспоминания. М.: Аграф, 1999. 432 с.
11. Завалишин, 1862 – *Завалишин И.И.* Описание Западной Сибири. М.: Издание Общества распространения полезных книг, 1862. 414 с.
12. Кокорев, 1959 – *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. М.: Московский рабочий, 1959. 279 с.
13. Крапивин, 2014 – *Крапивин Г.Н.* К чему приложил руку игумен Пафнутий? // Русская литература. 2014. № 4. С. 145-151.
14. Любецкий, 1877 – *Любецкий С.М.* Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и современном их виде. М.: Тип. Индриха, 1877. 322 с.
15. Можаровский, 1878а – *Можаровский А.* Плач на разорение скитов // Русская старина. 1878. Т. XXII. № 6. С. 342-345.
16. Можаровский, 1878б – *Можаровский А.* Скитский трапезник // Русская старина. 1878. Т. XXII. № 7. С. 464-465.
17. Подосокорский, 2012 – Подосокорский Н.Н. Отечественная война 1812 года в творчестве Ф.М. Достоевского // Православие.ру. Дата публикации: 03.08.2012. URL: <https://pravoslavie.ru/55210.html> (Дата обращения: 04.12.2019)
18. Ратшин, 1852 – *Ратшин А.М.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М.: В университетской типографии, 1852. 564 с.

19. Строев, 1877 – *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Спб.: Типография В.С. Балашева, 1877. 1056 с.
20. Федоров, 2004 – *Федоров Г.А.* Московский мир Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
21. Чудаков, 1992 – *Чудаков А.П.* Слово-вещь-мир. М.: Современный писатель, 1992. 317 с.
22. [Яновский, 1990] – *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 230-251.

References

1. Abramov N.A. Opisanie Berezovskogo kraia [Description of the Berezon region]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographic society], St. Petersburg, 1857, № 12, pp. 327-448. (In Russ.)
2. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F.M. Dostoevsky's library: Attempt of reconstruction. Scientific description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
3. Bratanovskii A. *Prikhodskii Khram voskreseniia Khristova, chto na r. Obnora, Iaroslavskoi gub., Liubimskogo uezda, gde pochivauiut moshchi prepodobnogo Sil'versta Obnorskogo* [Parish church of the Resurrection of Christ that is on the Obnora river, Yaroslavl' county, Liubim district, where the reliquiae of st. Silverst of Obnora rest]. 3d ed., revised. Iaroslavl', 1902. 44 p. (In Russ.)
4. Varadinov N.V. *Istoriia Ministerstva vnutrennikh del. 8-ia, dopolnitel'naia kniga: Istoriia rasporiazhenii po raskolu* [History of Interior Ministry. Book 8, additional: History of Raskol orders]. St. Petersburg, tip. Ministerstva vnutr. del Publ., 1863. 676 p. (In Russ.)
5. Gornostaev F.F. *Arkhitektura Moskvyy* [Moscow architecture]. *Po Moskve. Progulki po Moskve i eia khudozhestvennym i prosvetitel'nym uchrezhdeniiam* [Around Moscow. Walks about Moscow and its artistic and educative institutions]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1917, pp. 66-84. (In Russ.)
6. Dekhanova O.A. *Zakuska kak forma i sodержanie* [Zakuska as form and content]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2008 goda* [Dostoevsky and the modern age. Materials of the 23d International readings in Staraya Russa in 2008], 2009, pp. 164. (In Russ.)
7. Dekhanova O.A. Roman "Podrostok". *Ideia edy* [The novel *The Adolescent*. The idea of food]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura* [Dostoevsky and world culture], 2013, № 30, part I, pp. 331-332. (In Russ.)
8. Dostoevskaya A.G. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1981. 518 p. (In Russ.)
9. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
10. Dostoevskii A.M. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 432 p. (In Russ.)
11. Zavalishin I.I. *Opisanie Zapadnoi Sibiri* [Description of the Western Siberia]. Moscow, Izdanie Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig Publ., 1862. 414 p. (In Russ.)

12. Kokorev I.T. *Moskva sorokovykh godov* [Moscow of the forties]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1959. 279 p. (In Russ.)
13. Krapivin G.N. *K chemu prilozhil ruku igumen Pafnutii?* [What did Superior Pafnutij sign?]. *Russkaia literature* [Russian literature], 2014, № 4, pp. 145-151. (In Russ.)
14. Liubetskii S.M. *Moskovskie okrestnosti, blizhnie i dal'nie, za vsemi zastavami, v istoricheskom otnoshenii i sovremennom ikh vide* [Moscow outskirts, near and far, beyond all pikes, in the historical view and their modern look]. Moscow, Tip. Indrikha Publ., 1877. 322 p. (In Russ.)
15. Mozharovskii A. *Plach na razzorenie skitov* [Lament on the ruin of skits]. *Russkaia starina* [Russian old times], 1878, vol. XXII, № 6, pp. 342-345. (In Russ.)
16. Mozharovskii A. *Skitskii trapeznik* [Skit maniple]. *Russkaia starina* [Russian old times], 1878, vol. XXII, № 7, pp. 464-465. (In Russ.)
17. Podosokorskiy N.N. *Otechestvennaya vojna 1812 goda v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo* [The Patriotic War of 1812 in the work of F.M. Dostoevsky] // Pravoslaviye.ru. Data publikatsii: 03.08.2012 [Orthodoxy.ru. Date of publication: 08/03/2012]. URL: <https://pravoslavie.ru/55210.html> (Data obrashcheniya: 04.12.2019)
18. Ratshin A.M. *Polnoe sobranie istoricheskikh svedenii o vseh byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuiushchikh monastyriakh i primechatel'nykh tserkvakh v Rossii* [Complete collection of historical data of all formerly and presently existing monasteries and remarkable churches in Russia]. Moscow, V universitetskoii tipografii Publ., 1852. 564 p. (In Russ.)
19. Stroeve P.M. *Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei rossiiskii tserkvi* [Lists of hierarchs and abbots of Russian monasteries]. St. Petersburg, Tipografiia V.S. Balasheva Publ., 1877. 1056 p. (In Russ.)
20. Fedorov G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo* [Dostoevsky's Moscow world]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
21. Chudakov A.P. *Slovo-veshch'-mir* [Word – thing – world]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1992. 317 p. (In Russ.)
22. Ianovskii S.D. *Vospominaniia o Dostoevskom* [Memoirs of Dostoevsky]. F.M. *Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [Dostoevsky in his contemporaries" memoirs: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990, vol. 1, pp. 230-251. (In Russ.)